

Анна
ФИЛИН

Невероятная для
ОФИЦЕРА

Анна Филин

Невероятная для офицера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73416293

SelfPub; 2026

Аннотация

Он – волк-одиночка, в прошлом сапер ОМОНа. Сейчас на гражданке. Она в беде. Но не бывает бывших офицеров.

Анна Филин

Невероятная для офицера

Глава 1

– А со мной так сможешь? – я поравнялся с женщиной, что прижимала к своим ногам маленького ребенка, а мужик южных кровей смачно, с наслаждением бил ее по щекам.

В наши дни? В центре Циолковска, города миллионника? Да ну...

Мужик замер с занесенной для следующего удара рукой. В его глазах промелькнул страх. Это мне давно известно: слабых бить они горазды, а когда видят перед собой почти два метра мышц, отчего-то робеют.

В саперы берут крепких, потому что защита наша не чета броникам, у нас до шестидесяти килограммов на себе нести надо при разминировании и при установке зарядов. Это тоже часть нашей работы. Кто это все понесет? Вот поэтому саперы все как на подбор богатыри.

– А-а-а! – заголосила женщина в возрасте, тоже южных кровей. Она вскочила с лавки неподалеку и опрометью кинулась к нам. – Сыночек! Не ударил он тебя? Да что же это творится, люди добрые! Срежь бела дня! Вызовите кто-нибудь полицию!

Голосила, надрывалась. Двор-колодец усиливал ее вопли. Я краем глаза видел, как притормозила машина, проезжаю-

щая по двору, где-то наверху, открылось окно. А ведь здесь наверняка и камеры имеются...

Вместе с тем я добился своего: мужик перестал хлестать по щекам женщину. А значит, и мне пора домой. Кровь отхлынула от головы, я молча повернулся и зашагал в сторону торца дома, за ним проезд и мой подъезд.

Я только сдал машину на техобслуживание: масло в двигателе поменять, фильтры, ремни проверить, колодки. Поэтому и шел пешком с остановки. Можно было заказать такси, но погода солнечная, противный затяжной дождь, шедший накануне, закончился, люди потянулись гулять, ну и я вместе с ними. Проехал пару остановок на автобусе, а вот в соседнем дворе меня и накрыло.

Нет, я знаю, что нравы южных народов своеобразные, а кстати, кто это были? Я не научился за свои тридцать пять определять по лицам. Но все же бить женщину с ребенком это за гранью.

А впрочем, мое ли это дело? Завтра пятница, а дальше выходные. Заберу машину из сервиса и поеду наслаждаться коротким летом к Орловне на дачу. Вообще-то она Курочкина Анастасия Павловна, пресс-секретарь химического завода, в службе безопасности которого мы с ней трудимся. В свое время ее подтянул из ФСБ Потапов, наш начальник. Он и сам оттуда. Других на такие должности не ставят. А Орловна она потому, что многим мозг выклеывает. За словом в карман не лезет, может так припечатать, что на ногах не

устоишь.

Я попал в их компанию и вообще на эту работу случайно. Просчитался, взрывное устройство сработало раньше. Как результат, контузия, и прощай служба в ОМОНе. Я и по сей день часть своей жизни не знаю, точнее не помню. Взрывом знатно приложило. По образованию я сапер и вот допустил единственную ошибку.

После того как я комиссовался, словно земля из-под ног ушла. Я же совершенно ничего на гражданке не умею. Гвоздь забить или яму вырыть – это да. А кем пойти работать? Я же был женат на службе. Семьи нет. Не случилось, были влюбленности, ухаживания, даже предложения делал, но девушки на тот момент не хотели их принимать. А когда надумывали, тогда уже я не хотел. Позднее привык, прочувствовал удобство холостяцкой жизни, сам себе завидовал.

Так бы и пошел в разнос, в охрану куда-нибудь, да мой бывший командир позвал знакомиться с Потаповым. Поговорили о разном, и я получил должность. Работа практически та же самая, следить, чтобы никто ничего гадкого не установил. С людьми беседовать, агентурную сеть на заводе создавать, чтобы знать, чем живут работяги. Ничего сложного и нового. А оклад дали такой, что я поперхнулся. Сравним он только с боевыми, что в Украине получал.

Вечером посмотрел смешной сериал про бравых полицейских. Смешной, потому что правды в нем, кроме формы, нет. Да и лег спать.

А утром, пока брился, принимал душ и пил первую чашку кофе, поймал себя на мысли, что вчерашнее происшествие не отпускает. Покопался в голове и допер: женщина! Молодая, едва за двадцать, ребенок явно ее, и вот ребенок замер в ужасе, когда мужик ее бил. Девочка прижималась к матери с широко раскрытыми глазами, на ресницах повисли крупные слезинки.

Женщина же принимала удары безропотно. Словно били не ее, а ковер рядом выхлопывали. Не отворачивалась, не закрывалась, не умоляла о пощаде, просто стояла и смотрела в никуда. Это как можно довести человека до такого состояния? Я не понимаю. Именно это меня и зацепило.

Раньше со мной такого не случалось. Но раньше я и не становился свидетелем подобного. И лицо этой молодой женщины все стояло перед глазами и никак не отпускало. О чем бы ни думал, все равно мыслями возвращался к ней. Да хватит уже гадать. Вечером загляну к участковому Вовке. Я с ним познакомился, когда квартиру в этом районе выбирал. Пришел, представился, рассказал о себе и спросил про обстановку на районе. Нет ли притонов нехороших? Хат блатных и прочих возмутителей моего спокойствия. Так и подружился. Забегаю к нему раз в пару месяцев, пробиваю на вопрос подозрительных типов. Вот сегодня пойду и все разузнаю.

Стоп! А что я ему скажу? Вернее, что скажу, – знаю. Как опишу эту парочку? Ни фоток у меня нет, ничего... Придет-

ся сделать крюк и заскочить в тот двор, поболтать с бабушками на скамейках и с мамами на детской площадке. Вот и планы на вечер организовались. Заодно разомнусь, вспомню службу, а то скучно жить стал на гражданке.

Глава 2

Еще в младенчестве меня подкинули в дом малютки. Никому оказалась не нужна. И потом никто не взял в приемную семью, так я и дожидалась выпуска под присмотром государства. Пока в семнадцать лет к нам не устроилась на работу Нурсач Дадашевна Сафарова. Она говорила с легким акцентом, была невысокого роста и с излишним весом, но насколько она отличалась от классных дам, что я перевидала на своем веку! Всегда красиво, ярко одета, накрашена, а пальцы рук утопают в перстнях. И манера говорить у нее особенная – немного певучая, голос низкий, горловой. И вот тогда мне впервые в жизни повезло. Нурсач Дадашевна выделила меня из общей толпы таких же и начала приближать к себе. Бывало, остановит, когда я проходила по коридору, спросит, как мое самочувствие, какие планы, погладит по спине, обнимет и, тепло улыбнувшись, пожелает удачи. А еще она постоянно напоминала, чтобы в случае каких затруднений я обращалась к ней.

Однажды она сделала мне подарок – пригласила к себе домой на праздник. Она мать большого семейства, и на следующей неделе у них большой праздник – Навруз. Я оставшиеся дни до приглашения практически не спала, все пережи-

вала, как я такая, никому не нужная, и вдруг приглашена на праздник. Собирала одежду по всему детскому дому. Нурсач Дадашевна посоветовала одеваться нарядно, но не вызывающе: платья длинной ниже колен, руки закрыть ниже локтя, и хорошо бы голову покрыть платком. Я с ног сбилась, пока нашла необходимое.

В назначенный день они с мужем на машине заехали за мной. Нурсач Дадашевна достала платок: яркий принт, зеленые узоры витиевато переплетались с невероятной красоты цветами. Сама повязала мне на голову и, окинув взглядом, сказала, что я самая красивая девушка на свете. А потом меня погрузили в сказку. Дом у Нурсач Дадашевы можно было назвать дворцом: громадный, кирпичный, огромный двор, есть свой сад. Внутри дома все устлано коврами, повсюду зеркала, яркий свет, роскошная мебель. Но главное – все, кто меня встречал в ее доме, поздравляли с праздником, улыбались, будто я им родня. Мужчины при этом находились отдельно.

– Мы своими разговорами их заболтаем, да и они нам мешают секретничать, – объяснила такое положение Нурсач Дадашевна.

И я, как замороженная, сидела с женщинами, прислушивалась к незнакомой певучей речи, хлопала глазами и не могла поверить своему счастью.

Тогда я впервые попробовала самый вкусный на свете плов. А еще запеченную в тонком тесте рыбу, фаршированную

ную грецкими орехами и сухофруктами. Сладости, соусы, напитки, на что ни падал мой взгляд – все было новое и необычайно вкусное.

Кроме буйства вкусов меня заворожила посуда, в которой подавали угощения. Яркая, украшенная эмалью и росписью, словно сошедшая со страниц сказки. Армуду для чая я трепетно брала в руки словно драгоценный бутон цветка. Невероятная плавность линий и изящество. Кто мог такое сотворить? Не иначе как древний мастер.

Нурсач Дадашевна познакомила меня со своими сыновьями. Они показались мне восточными принцами из сказок. Немногословные, вежливые, все как на подбор красавцы, одетые в дорогие одежды. Старший Атабек и средний Урзун обзавелись семьями, а вот младший Араз не был женат.

– Ему рано подыскивать жену, – туманно пояснила Нурсач Дадашевна.

Перед возвращением домой меня завалили подарками: отрезы дорогой ткани, нарядные платки и горы еды: сухофруктов, солений, свежих фруктов и, конечно же, плов.

Благодаря угощениям весь наш детский дом проникся Наврузом, потому что по яголке, но удалось угостить всех.

А в следующем году мне исполнилось восемнадцать. С этого дня началась моя взрослая жизнь. Прощайте, общие спальни, приготовленная чужими руками еда, постиранное кем-то белье. Отныне я все буду делать сама.

Оформили документы на квартиру, ее обещали выделить

скоро, дом, где были квартиры для льготников, уже достроили, шли окончательные согласования.

– Месяца два-четыре, не больше, – обещали в комиссии по распределению квартир.

На это время меня определили комнату в общежитие на окраине города. Но едва перешагнув порог, я содрогнулась: повсюду валяется мусор, рваные упаковки, стеклянные бутылки, смятые банки. Липкие стены и невыносимая вонь. У лифта, навалившись спиной прямо на стену, лежал парень. Голова завалилась набок, глаза закрыты, из уголка рта струйкой стекает слюна. Неужели спит? Прямо здесь? А почему домой не идет?

Миновав его, я по лестнице поднялась на свой третий этаж. Квадратный коридор, из него вели четыре двери. Пахло чем-то горелым и еще был непонятный, но противный запах кислого и испорченного. Ничего, проветрю свою комнату, все вымою, как учили, и буду жить, благо ждать квартиру совсем недолго.

За одной из хлипких деревянных дверей обнаружился коридор. Веревки с бельем тянулись под потолком, за одной из дверей ругалась женщина, за другой орала музыка. Я на цыпочках юркнула к нужной двери, открыла ее своим ключом и, зайдя внутрь, поспешно закрыла на замок. Деревянная кровать с матрасом в подозрительных разводах, покосившаяся тумбочка, окно, наполовину заклеенное газетами. Этого первого дня взрослой жизни мне никогда не забыть.

Но самое ужасное ждало меня ночью. С вечера в мою дверь начали стучаться, и пьяные мужские голоса просились внутрь – познакомиться.

– Айда знакомиться с соседями! Ну, чего заперлась? Не по людски это! – настойчиво требовал нетрезвый мужской голос.

– Отстань от нее, иди спать, – оттаскивал его другой, недовольный молодой, женский.

Куда я попала? Всю ночь я спала в полглаза, а утром первым делом кинулась звонить Нурсач Дадашевне и спрашивать совета: что делать в этом случае?

– Диктуй адрес. Мы сейчас с сыновьями приедем и заберемен тебя к себе.

– Мне неловко вас объедать, и вообще...

– Что ты, птичка моя, ты же видела – дом у нас большой, места всем хватит, никто у нас тебя не обидит. Забота о сиротах – путь к довольству Аллаха.

И я с радостью и слезами в голосе продиктовала адрес.

Глава 3

Не прошло и часа, как я под охраной рослых красавцев покидала это место. Неужели люди так могут жить? Почему они пьют? Ведь середина недели и праздников нет. А мусор и плевки? Разве можно так не любить свой дом? Безусловно, я не знаю, как принято жить самостоятельно, всю жизнь провела в детском доме, но у нас все было иначе. По крайней мере, мусор мы не раскидывали под дверью.

В доме Нурсач Дадашевы мне отвели свою комнату. Кровать, шкаф для одежды, трюмо с зеркалами, комод для вещей, и повсюду яркие ковры. Неужели мне посчастливилось поселиться в сказке? А самое главное – я оказалась нужной, от меня не отвернулись, не выбросили, как уже случилось.

Пока я осматривалась, меня позвали в гостиную, где собралась вся семья. И там Гачай Джамильевич, муж Нурсач Дадашевы, объявил всем, что дает мне кров и принимает меня в свой дом. Отныне я ему как дочь и могу жить под его крышей сколько пожелаю. Меня никто никогда не называл дочерью, никогда не проявлял заботу и теплоту, домашнюю, семейную, и я расплакалась при этих словах. Жарко его благодарила, обещала не быть обузой и блюсти правила, введенные в доме.

После сыновья Нурсач Дадашевы поклонились мне, и каждый назвал сестрой и поприветствовал. А я не выдержала и кинулась на грудь Нурсач Дадашевы, продолжая лить слезы радости. Это был самый счастливый день в моей жизни!

Гачай Джамильевич распорядился, чтобы к вечеру готовили праздничный стол и звали гостей.

– Все должны узнать, что Гачайю Аллах дочь послал.

Нужна! Я сейчас нужна этим людям! Я радовалась, как собака, обретшая наконец хозяина. Слезы радости катились по щекам до самой ночи. Жены старших братьев подарили мне платье, помогли переодеться. А Нурсач Дадашева сама

повязала мне платок так, как следует носить женщине.

– Наблюдай, как мы все делаем, учись. Независимо от того, как сложится твоя жизнь, умение красиво одеваться и вкусно готовить всегда пригодится, – напутствовала она меня.

Вечером приехало столько людей, что вся улица была заставлена машинами. И все с подарками. Несли в основном ткани на платья, яркие, цветные – на лето. А мягкие, шелковистые и плотные – на зиму. Все складывали у входа, здоровались со мной, обязательно гладили рукой по голове и проходили кто куда: мужчины к своим, а женщины и дети к нам.

– Аллах приблизит вашу семью, – поздравляли женщины Нурсач Дадашевну.

Мне наперебой рассказывали историю азербайджанского народа. Какие у них на родине высокие горы и озера с чистейшей водой, какой там сладкий воздух, нигде в мире больше такого нет. И небо там самое голубое, и солнце не палит жаром, а нежно греет и ласкает людей, живущих на этой благословенной Аллахом земле.

Но так было не всегда, трудный путь страданий, бед и голода пришлось пройти азербайджанскому народу. Их постоянно притесняли злобные армяне, зарились на их плодородные земли и долины, резали, жгли, угоняли скот.

Я, открыв рот, слушала женщин. В детском доме мне такое никогда не рассказывали. И практически сразу прониклась любовью к этому народу, а армяне отныне стали для ме-

ня злейшими врагами.

С этого дня у меня началась другая жизнь. Нурсач Дадашевна учила меня всему, к тому времени она ушла с работы в детском доме и все свободное время посвящала мне.

Под ее руководством я научилась различать добрую и плохую муку. Она показала, как замешивать тесто для лаваша, его ели вместо хлеба, вернее, он и был хлебом. Тесто должна вымешивать старшая женщина в семье, а вот раскатывать иногда поручали мне. И я старалась изо всех сил понравиться, получить лестное слово и похвалу. Мне так хотелось им всем угодить, отплатить за их доброту.

В конце лета мне сообщили, что квартира готова и я могу получать документы и ключи от нее. Горю моему не было предела. У меня больше не было повода оставаться в этом гостеприимном и любящем доме. Я проплакала до вечера у себя в комнате, а потом пришла Нурсач Дадашевна и сказала, что полученная мной квартира никак не меняет положение вещей.

– Муж пригласил тебя жить с нами, вот и живи сколько захочешь.

Вновь я ударилась в слезы, но уже другие. Благодарность за доброту переплеталась с моей никчемностью, я все острее ощущала себя нахлебницей в этом благословенном доме. Но сейчас у меня появилась квартира, и я с радостью предложила ее Нурсач Дадашевна.

– Аллах запрещает брать имущество у сирот. Грех боль-

шой, – ответила она достаточно резко. Потом погладила меня по голове, и добавила более миролюбиво: – Но квартиру нельзя оставлять без присмотра, да и коммунальные платежи следует за нее вносить. Поэтому, если ты позволишь, то пусть в твоей квартире поживет Уруз с семьей.

Уруз – это средний сын Нурсач Дадашевы. Он по-прежнему жил с нами. А вот старший давно, еще до моего первого появления здесь, жил отдельно.

– Да, согласна! – я подпрыгнула от радости, что могу отплатить такой мелочью за все, что они для меня сделали.

Вечером за столом Нурсач Дадашева поделилась моим желанием с мужем. Тот ее гневно отругал, сказал, что она гнев Аллаха навлекает на всю их семью, пытаюсь прикоснуться к имуществу сироты.

Тогда я подала голос в защиту Нурсач Дадашевы. Сказала, что это моя идея, повторила ее слова о коммунальных платежах и о том, что за квартирой нужно присматривать.

– Я не справлюсь, я ничего не умею, и работы у меня нет, чтобы платить. Прошу, позвольте мне отдать вам эту квартиру.

– Мы взять не можем – Аллах накажет. А вот помочь тебе, это дело угодное Всевышнему.

И на следующий день Уруз с семьей стали готовиться к переезду.

Глава 4

Утром на работе первым делом – летучка. Пока я пил вто-

рую чашку кофе, Олег Анатольевич Потапов, начбез завода, зачитывал сводку:

– За ночь сбито и уничтожено семь дронов, пять из которых несли заряд взрывчатки, а два – следили, делали снимки и, судя по всему, куда-то отправляли инфу. Это херово, потому как впервые подобные птички к нам залетели.

– Разлетались... – нервно поправила прическу Орловна.

У нее к дронам были личные счеты. Ее муж Витек – пенсионер по здоровью, ампутант. Минировали недруги нефтепровод, они с бригадой и полегли, преследуя гадов. Вернее, все полегли, кроме Витьки. Он оставил там руку и ногу, осколки врачи из него повытаскивали, один только крепко засел в позвоночнике. Консилиумы собирали – удалять или нет? Был риск, что Витька навсегда в инвалидной коляске останется. Но пока он двигался, но врачи пугали, что осколок может зашевелиться, перерубить все там, и тогда «двухсотый».

– Олег Анатолич, а ведь еще на прошлой неделе три птички сбили, никак птенцы подросли у них? – озвучил я неприятный вывод из сводки начальника.

– Верно ты, Игорь, подметил. Птенцы, мать их так... Эксперты говорят, что совсем слабенькие птички, запускают их от нас, где-то неподалеку. Под носом кто-то гадить вздумал. Но на след выйти не могут, говорят, нужно больше налетов, чтобы отследить. Совсем с ума посходили...

Потапов снял очки, аккуратно сложил их в футляр, за-

крыл его, с наслаждением растер лицо руками, открыл футляр и вновь надел очки.

Мы с Орловой за глаза его называли «Закрывашкой». На столе у него все бумаги были либо перевернуты текстом к столу, либо надежно уложены в непрозрачные файлы-конверты.

Все ящики стола он держал закрытыми, шкафы требовал закрывать на ключ, даже во время рабочего дня. То есть понадобились тебе отчеты за прошлый и позапрошлый год – подбери нужный ключ, достань и следом закрой. А как изучишь – повторяй алгоритм действий по новой.

На работе нас было четверо: Потапов, он начальство, анализировал, ставил задачи и отвечал за связь с ФСБ, полицией и другими ведомствами.

На Орловне информирование широкой общественности о работе завода.

Мой функционал – в первую очередь, агентурная работа внутри коллектива.

И последний, но, возможно, самый главный из нас: очкарик Коля Межинский. В свои двадцать три он много хлопот службам доставил, потому как щедро одарен мозгом, но по молодости применял его в противоправных действиях. Поймали, а дальше начальство село думать, что с ним делать. Осудить – казалось самым верным решением, но жалко стало подобное умение губить. Поговорили, завербовали, промыли мозг и научили, что такое хорошо и что такое плохо. А

потом Потапов под свою ответственность Колю к нам взял. Нам с Орловной поручил присматривать за очкариком, что мы честно и проделываем по сей день. Но парень вроде как одумался. Искренне топит за правое дело. На нем перепроверка всех камер, он для этого какую-то хитрую программку написал. Прослушки, маячки – все на нем.

– Куда хоть летели птички? – уточнил Коля.

– На нефтезавод две штуки, к нам одна, оружейный завод одна, ГРЭС одна штука. Но, как вы понимаете, сбиты они были не на территории объектов, поэтому можно только предполагать их конечные цели.

– У кого есть мысли, предложения?

– Мне бы в мозгах их поковыряться... – поднял глаза от мониторов Коля.

– Ковыряются уже...

– У меня своя схема... – продолжал настаивать наш башковитый.

– Не умничай. Даже мне не дадут взглянуть на мозги, а если есть чем помочь коллегам – так и скажи, не выделяйся.

– К понедельнику я допишу кой-чего. И хорошо бы эту программку скинуть в их мозги, если уцелели, там она сама развернется, и если след остался – найдет.

– Вот это дело. Сразу бы так, – похвалил умника Потапов.

– Мои «глаза и уши»... – Так я называл завербованных работников. – Молчат. Но я ни в ком из них до конца не уверен. Может так статься, что на контакт пошли те, кого мы

ищем. Устраиваю проверки, перекрестно пытаюсь перепроверить. Но вы же понимаете, что дело это не быстрое, да и нельзя в нашем деле вопросы в лоб задавать. Продолжаю работать.

– Настя, выложи статью про наши достижения, напусти туману, что прорыв готовим. Будем ловить «на живца», – распорядился начальник. – Остальным усилить бдительность. Вопросы есть?

– Никак нет.

– Тогда за работу.

– Дай мне на время портативный фотоаппарат.

Я подошел к Коле и навис над его мониторами.

– Какой именно? – не отвлекаясь от трех установленных перед ним мониторов ответил он.

– А есть в виде булавки или значка нагрудного? – оживился я.

– Значка или булавки?

Зануда начинал меня в очередной раз нервировать уточняющими вопросами.

– Давай булавку.

Коля крутанулся на стуле, открыл дверцу шкафа позади себя. Из одного ящичка достал булавку с крошечной каплей, будто прилипшей случайно. Из другого – обычную ручку с кнопкой.

– Нажимаешь на кнопку, фотоаппарат срабатывает, – протянул он мне хитроумные устройства.

– А изображения куда приходят?

У меня родилась неожиданная мысль утащить работу домой на выходные.

– Ко мне, естественно, – фыркнул Коля.

Ну это ничего, главное – чтобы не потерялись. А уж под каким предлогом заполучить их, я придумаю.

– Хорошая вещь. Помоги закрепить на рубашке.

– К Орловне обращайся, мое дело – выдача и инструктаж по пользованию, – смело заявил очкарик.

Совсем берега попутал?

– Слышь, а ты чо такой борзый?

Я начал закипать. Сопля зеленая, метр шестьдесят в прыжке, худобы такой, что я плевком покалечу. И не первый раз уже дерзил взрослым дяденькам.

Очкарик поднял на меня глаза, открыто, нагло, без тени испуга.

– А давай я все брошу и буду за тебя твою работу делать? Вот сейчас убери палец с клавиши, и весь завод «ослепнет».

У меня желваки заходили ходуном. Приложить, что ли, его легонько?

– Иди ко мне. Никто, кроме Настеньки, не протянет тебе руку помощи, – рывком развернула меня к себе Орловна. – Где булавка?

– Нет, ты слышала?!

Я попытался перетянуть ее на свою сторону. Она наша изначально, а этот ушлепок чужой. И борзый, зараза. Но бить

не дадут. Одаренная башка потому что.

– Все мы слышали, отстань от него, а то нажмет что-нибудь, и телефон у тебя оглохнет или машина перестанет заводится. Страшный он человек! – округлила Орловна глаза, а потом рассмеялась. – Готово. Давай, пробуй.

Я сфоткал несколько раз ее, затем очкарика и вновь перегнулся к нему:

– Показывай.

Коля молча, не поднимая глаз и не отвлекаясь от клавиатуры, развернул ко мне один из мониторов.

– Я моргнула! Давай переснимать, – веселилась Орловна.

– Давайте работать, – прекратил наши разговоры Потапов.

– Слушаюсь работать, – щелкнув каблуками, я вытянулся в струну и пошел на обход вверенной мне территории.

Глава 5

Я перекинул через плечо сумку с противогазом. Техника безопасности распространяется на всех, находящихся на территории, потому что написана кровью. Члены правительства приезжали – все с подобными сумками перемещались, ни для кого не было исключения. И первым делом пошел на проходную.

– Виктория Семеновна, мое почтение, – я склонился в легком поклоне и не смог сдержать довольной улыбки. Люблю, когда ее смена, порядок гарантирован.

Виктория Семеновна, сорока семи лет, пришла к нам из ГУИНа, всю жизнь в системе. Рост имела гренадерский, под

два метра, характер стальной, негибачаемый, про нее рассказывали, что одной дубинкой пресекла начинающееся восстание в колонии. И вот такая штука, из-за нее частые разборки на заводе возникали. Она как манок для мужиков: и женатые, и холостые – все оказывали ей знаки внимания, тянулись к ней. Сыпали комплиментами, стихи посвящали. Последнее время соревновались в заводском чате, кто витиеватее для нее слова сложит. Изредка часто драки за нее случались, за территорий конечно. Сегодня пятница, значит, в понедельник весь завод будет иметь счастье лицезреть самых активных самцов. Их по отметинам на лицах видно.

Лично я чувствовал себя с ней как со своим парнем – надежным, и в разведку пойду, не задумываясь. Легко мне было с ней.

– Игорь Михайлович! Заходи, мой хороший, кофейку попьем, новости обсудим.

Голос у нее был грудной, низкий, завораживающий. Проникал в самое... Ну вот туда и проникал.

За третьей моей чашкой кофе Виктория Семеновна дала устный рапорт: одного работника на смену не пустила – сильно с похмелья потому что.

– Одобряю, – кивнул я, соглашаясь с ней.

Для мужика это увольнение. Если характеристики хорошие, то по собственному, а если нет... Здесь действовало железное правило: не умеешь пить – не пей.

– Запрещенку перестали проносить и провозить, прям

скучно стало... – наигранно вздыхала Виктория Семеновна.

Я видел, как светятся гордостью ее глаза. Добилась своего! Отучила нарушать заводские правила. Говорю же, отличный она работник. Лучший, как по мне.

– А чем это у тебя это пахнет? – я делано поднял нос и шумно втянул ноздрями воздух.

– Чем? – тревожно отозвалась она и начала оглядываться по сторонам.

– Благодарностью пахнет! А то и премией. Рапорт напишу, а дальше – на усмотрение начальства.

Посмеявшись, Виктория Семеновна включила то самое, отчего все мужики покой теряли.

– Хороший ты мужик, Игорь Михайлович. С тобой работать – никаких наград не надо. Плечо у тебя надежное, глаз наметанный, и начальская должность ничуть тебя не испортила, не комиссовали бы – быть тебе генералом.

Все, я готов. Сидел и улыбался, как кот, объевшийся сметаны. Ну что за женщина!

– Интернет отключали по городу. Это птицы опять летали? – понизив голос, спросила она, когда я уже собрался на выход.

– Летали...

Ей можно сказать правду, она – могила.

– Тьфу на них и на семьи их до седьмого колена, – тихо, но яростно выругалась Виктория Семеновна.

На том мы простились, и я направился в сторону ближай-

шего от проходной цеха. Здесь у меня имелся информатор. Гришка, молодой парень, двадцати трех лет. Его отец на работу привел, поручился, упросил взять оболтуса. Гришка после армии собирался пойти вразнос, но родитель вовремя пресек. Работает «младшим помощником старшего подметалы», как принято называть у нас. Но мне на руку: с простыми работягами общается, слушает, чем дышат, что обсуждают. Запоминает и мне передает.

– А автомат с кофе переставили? Здесь же стоял?

Я напустил удивление на лицо, обращаясь к нему. Сделал вид, что мы не знакомы, потому что вокруг полно народа и палить нашу связь нельзя.

– О! Служба за кофе к нам пожаловала, – подхватил игру Гришка. – Пойдемте покажу.

По дороге торопливо, шепотом рассказал мне новости:

– Женька загулял, хочет от жены уходить. Славка на выходные в деревню собирается, Мишку с собой звал, тот раздумывает: у него платеж по ипотеке в понедельник, денег впритык.

– Касательно денег. Ни у кого внезапно лишние не завелись? Может, хвастался кто? В лотерею выиграл или наследство получил?

Гришка на ходу притормозил, почесал затылок:

– Неа, не слышал.

Купив четвертую, а это лишь середина дня, чашку кофе, я продолжил обход. Но ничего интересного для службы не вы-

яснил. Кто-то собирался «кутить» сегодня, другие с ужасом ожидали поездки на дачи со всеми вытекающими. Для них это не отдых, а смена работы. Но против жен не попрешь.

На обеде я заскочил в столовую – с трудом, но приучил себя питаться полноценно, пусть и один раз в день. И еще додумался покупать готовую еду домой. Надоели пельмени и сосиски из магазинов. А здесь удобно: пара зраз, салат, выпечка – вот и готов ужин.

– Игорь Михайлович, а контейнеры? – игриво поправила повязку на голове Анечка.

Опять она... Я всей шкурой ощущал, что неспроста проявляет интерес ко мне. О том, что я холостой, ни для кого на заводе не секрет. Вот и стараются барышни обратить на себя внимание. Я ужин себе покупаю в пакетах. Ну и что с того, что салат перемешивается? Так ведь нет, Анечка притащила контейнеры для меня, а я, понятное дело, забыл их дома. Причем несколько дней подряд забывал.

– В понедельник верну. Слово офицера, – я приложил руку к груди и шутливо дал обещание. – Складывай в пакеты – мне так привычнее.

Анечка глубоко вздохнула и выудила откуда-то пластиковые формы. Ну зачем?! Но и отталкивать ее внимание никак нельзя, только она знает, что наливает и накладывает мне в тарелки.

После обеда я продолжил обход, ничего плохого не разузнал. Оно, конечно, радует, только вот к ответам нас не при-

ближает. Есть предатели среди сотрудников или нет? Хочется верить, что никого не завербовали, но жизнь значительно сложнее и, как правило, подкидывает задачки наперерез нашим хотелкам. Вот взять вчерашнюю женщину с ребенком? Зачем это мне? Но я уже все решил и подготовился. Осталось написать отчет и гнать за машиной. А затем приступить к личному расследованию. Для меня отныне это дело чести.

Глава 6

— Орловна, подкинешь до сервиса? – попросил боевую подругу о помощи.

Нет, я могу и сам, завод у нас располагался далековато за городом, в промышленной зоне, поэтому два раза в день, в восемь утра и в восемь вечера курсировали автобусы в разные части города. Собирали людей и привозили на смену, завод работал бесперебойно, а обратно вез тех, кто закончил работу. Но на автобусе мне дольше, он хоть и делает редкие остановки, но маршрут построен так, чтобы довести всех, то есть ездить кругами.

— О чем речь. – охотно согласилась Орловна.

И пока мы ехали, успели обсудить домашние новости. Вернее, она рассказывала, что у дочери, той месяц как исполнилось тринадцать, проклюнулся пубертат.

— Постоянно «заступает» за флажки. Сказано домой возвращаться не позднее девяти вечера, так нет, она принципиально задерживается на пять-семь минут. И вроде не повод для скандала, но я же понимаю, что делает она это специаль-

но. И так во всем. Отправлю в магазин: схожу позже. Хотя на полчаса, но все по-своему делает. Меня напрягает, Витька злится.

Про мужа ничего нового не говорит, болезненная эта тема для них. Надо делать операцию, но врачи конкретики не дают.

— Но хуже того, что Данька, глядя на сестру тоже ерепениться начал. Правда делает это с размахом, и потому отгребают. — сыну семь, в этом сентябре в школу пойдет. Вся семья со священным трепетом ожидают этого события.

— Ты когда поедешь к нам — позвони, вдруг Витьке что прикупить надо, или мне. Ты ведь приедешь? — я еще в середине недели пообещал провести выходные у них на даче. Помочь, да и просто вырваться из города.

— У меня товарищ по службе помощи попросил. Отказать не могу. Но думаю, в воскресенье все же вырвусь.

— Помочь может? — тут же предложила она.

— Нет, что ты, там пустяковый вопрос, может и за сегодня справимся. — только вмешательства ФСБ мне не хватало, засмеют, на весь город разрезвонят про мою кукуху поехавшую.

Орловна довезла меня до сервиса, помахала ручкой на прощание и умчалась к семье.

Я расспросил про состояние своей камрюхи. Люблю ее как... Как удобную обувь или одежду, что словно вторая кожа садиться к телу. Очень удачный автомобиль. Комфорт

на высочайшем уровне, ход, управление, роскошный салон, шумоизоляция. Остановите уже меня! Про свою тачку я могу рассказывать часами.

Петрович – мастер, у которого обслуживаюсь давно, вытирая грязные руки не менее грязной тряпкой, открыл капот и продемонстрировал:

— Наклейку не убирай, на ней пробег указан, когда масло меняли. Хотя... С твоим километражем приходи в следующем году. – усмехнулся он.

Я действительно езжу мало, и крайне аккуратно.

Потом рассказал, что, по его мнению, следует заменить в следующий раз. Я со всем соглашаюсь, отдаю деньги за работу и с наслаждением усаживаюсь в удобное кресло.

— Поехали, дорогая, поработаем немного... – ну да, я вслух разговариваю с машиной, хвалю ее, восхищаюсь маневренностью и неизменно радуюсь нашей связи. Это тоже вслух.

Выруливаю на дорогу, перестраиваюсь в нужный ряд и меня накрывает волной удовольствия. Какая у меня классная машина!

Приезжаю на район, там понятное дело оживленно, конец дня, да еще пятница, народ собирается в деревни, на дачи. У супермакетов не припарковаться, машины бросают прямо на полосе. Ну ничего, я никуда не тороплюсь. Участковый Вовка меня ждет, я предупредил заранее, что заскочу к нему вечером. Только вот с пустыми руками не вариант. И тут мой

взгляд падает на овощно-фруктовый развал под открытым небом. А почему бы нет? Куплю фруктов в подарок, выделюсь на фоне тех, что носят ему конфеты и шоколад.

Паркуюсь, выхожу из машины и замираю на месте, не веря своим глазам. Торгует фруктами та самая женщина, которую вчера хлестал по щекам муж. А вы говорите совпадений не бывает? Вот она – ищейкина удача! Прямо в руки идет.

Пока пережидая очередь в два человека, фотографирую сам развал, женщину, мужика рядом с ней, но это не тот, который ее бил. Этот постарше будет. Затем кривясь, что вновь вынужден обратиться за помощью к очкарику, набираю его:

— Коль, а ты с работы уже ушел?

— А что, надо было до понедельника там оставаться? – поганец первый лезет «в бутылку». Ну что ты будешь делать? Видимо все же придется ему «случайно» на ногу наступить.

— Мне нужны фото, которые я сейчас наснимал, вот прям немедленно.

— С этого и надо было начинать. Сейчас перекину. – и отключился. Ни пока, ни хороших выходных. Где манеры, молодой человек?

Но следует отдать ему должное. Не прошло и минуты, как в мессенджере начали приходить фото. Начал листать, и меня прям порвало, как взрывом от гранаты. Говнюк скинул первую партию фоток нормальных, а потом полетели издательские: голова женщины приставлена к телу дракона, изо рта столб огня. Или обнаженное сиськастое тело, и опять ее

лицо. А последняя – скелет, одни кости и ее лицо.

Все же надо было согласиться на помощь Орловны, пусть бы она его своим сдала. Гад малолетний! Он нарочно меня злит. Я в этих приблудах ничего не соображаю, а он – гений, и издевается надо мной вовсю. Решено – ходить ему с ластами, вместо ступней.

Подходит моя очередь, я сделал вид, что не знаком с женщиной, прошу взвесить мне по два кило абрикосов, слив, черешни, и еще две плашки с клубникой. У Вовки семья – пусть порадует детей и жену.

Глаза женщины вспыхнули при моем появлении, она быстро перевела взгляд, на стоящего рядом и болтающего по телефону мужика. Какой язык? Нет, не могу разобрать.

Я стоял расслаблено, делая вид, что рассматриваю что-то в телефоне, поэтому женщина заметно выдохнула, и принялась нагребать мне фрукты. Я воспользовался моментом и изучал ее: одета в цветастое, широкое платье, голова обвязана платком, жирно обведены глаза, накрашены брови в смоль. Но глаза – прозрачные, светлые, и цвет волос русый. Слабо смахивает она на представительницу южных кровей. И самое главное – когда называла сумму, говорила совершенно без акцента. Я сделал вид что не расслышал, и она повторила чуть громче. Ну хоть убейте – говорит на чистом русском.

Глава 7

Пока шел к машине – радовался. Это я удачно за фрук-

тами заехал, не придется рыскать по дворам и детским площадкам, привлекая к себе ненужное повышенное внимание. Не к чему мне оно, я же здесь живу и никуда переезжать не собираюсь.

Доехал до участкового, подхватил водопад ароматов, пойманных в мои пакеты в виде свежих фруктов, и распахнул его дверь:

— От нашего стола... Привет, служба!

Вовка поднял уставший взгляд от клавиатуры, глаза покраснели от усталости, цвет лица стремиться слиться с природой – такой же зеленый.

— Кофе? Чай?

— Чай. Кофе уже того, вот здесь плещется. – провел ребром ладони по горлу. – А это тебе.

— Взятка? – прищурился Вовка.

— Да! – залихвацки улыбнулся в ответ.

Пока он ставил чайник и ополаскивал кружки, накрывал на стол, хотя, что там накрывать? Сахарный песок в жестяной банке, коробка с чаем и сухое печенье, обменивались новостями. А вот когда кипяток был разлит по кружкам, я «пошел в разведку».

— Все ли спокойно, на вверенной тебе территории?

— Ну как... – отвел глаза Вовка. – Мошенники продолжают обманывать доверчивых граждан. Сегодня два заявления принял. Второй раз за неделю гражданину два колеса прокололи, но он сам виноват – закрывает машиной вход в

подъезд. Заявление принимать не стал, еще и пообещал отправить информацию в ГАИ. Ну и так, по мелочи: употребляют, дерутся, скандалят...

Я немного поморщился. Не смог бы вот так, на протяжении нескольких лет бытовыми проблемами граждан заниматься. Не мое это.

— А я ведь к тебе по делу.

Дальше коротко, только факты, изложил свой интерес, подкрепив его фотографиями.

Вовка пощелкал клавишами компьютера. Потом взял со стола блокнот, пролистал его и ткнул пальцем в записи:

— Уличная торговля на вверенной мне территории... Патент выдан... Ага, вот, нашел, Гачай Джамильевич Сафаров. Гражданство Российское, одна тысяча девятьсот шестидесятого года рождения, место рождения – республика Азербайджан, женат, имеет жену и сыновей.

— Что все патенты ему принадлежат?

— Да, а еще у него в аренде магазин. Тот самый, где круглосуточно торгуют в нарушение закона.

— Только не говори, что и живет у нас.

— Живут Сафаровы, действительно здесь. За высотками частный сектор знаешь?

— Кто ж его не знает.

— Вот там несколько азербайджанских семей купили землю, все на одной улице. Старые дома снесли, на их месте построили новые. Улица Цветочная шесть, это адрес Сафаро-

вых. От соседей жалоб не поступало, порядок не нарушают, в драках не замечены. У меня все. – захлопнул он блокнот.

Первая информация пошла, я знаю к кому обратиться за подробностями, но это уже завтра. Орловна прости, поездка к тебе откладывается.

— Вот еще что. Их диаспора, по слухам, в последние годы наращивает силу. Многих под себя подмяла. Про новую овощную базу слышал?

— Ну...

— Тоже им принадлежит. Я это к чему... Если Сафарову свои разрешили всю торговлю на районе «держатъ», то он далеко не последний в их иерархии человек. Просто, для информации тебе. – устало закончил Вовка.

А вот это уже интересно. Очень интересно.

Поговорили еще некоторое время, потом вместе вышли, и разъехались по домам.

Я припарковался у подъезда одновременно с Юркой, соседом, который буквально в среду купил себе нового «китайца». И тут у меня родился план.

— Как тачка?

— Шикарная! Совершенно бесшумная, а как она ямки проходит – не колыхнется! – с воодушевлением сыпал комплиментами Юрка. Его понять можно, после немолодой «Гранты», пересестъ на автомобиль нового поколения...

— А прокати меня? Покажи тачку в деле? Вон, у нас за домами частный сектор, погнали туда?

Юрка с тоской посмотрел на подъездную дверь, а потом махнул рукой:

— Запрыгивай. Твоя задница такого кайфа еще не испытывала.

Юрка не умокал ни на секунду, наслаждаясь своей новой машиной. Ему и вопросы задавать не нужно, слова льются из него как из того рога. Мне оставалось лишь в нужных местах качать головой, цокать языком, да восхищенно бросать: «да ну?»

Проехали веретеном частный сектор, да где у них эта улица? А вот, предпоследняя от моего дома. Сориентировался по номерам домов, и возле нужного дома попросил притормозить.

— А панель то какая? У меня плазма хуже показывает. А какие функции?

И пока Юрка щелкал переключателями и тыкал в монитор, я оглядывался по сторонам. Кирпичные добротные дома, высокие заборы, железные ворота. Все дома азербайджанцев выделялись среди остальных. Чувствовался достаток. Перед большинством стояли дорогие авто, а то и два. Хорошо живут, не бедствуют.

И тут откуда ни возьмись навстречу нам едут два одинаковых, как под копирку тачки, сигналият, из открытых окон доносятся горловые возгласы. Ворота соседних домов начали распахиваться, и оттуда стали выходить мужчины и дети. Женщин нет.

— Уважаемый. Передвинь машину, мы подарки привезли.

Попросили Юрку в открытое окно те, на одинаковых тачках. Да они же совершенно новые! На номера еще не поставлены.

— Сдай назад, посмотрим, что за праздник у них.

— Да уж, таких красавиц кто бы мне подарил...

— Дорогие?

— Моя почти четыре ляма, а эти, под десятку каждая. Видишь обвесы какие? Колеса на «литье», салон обтянут бежевой кожей, и поверь, она натуральная.

Из интересующего меня дома вышли двое мужчин. Один пожилой, другой совсем молодой. «Подарки» замерли возле их ворот, из-за руля вышли молодые парни в костюмах, и передали ключи и файлы с бумаги этим, хозяевам.

Соседи подходили, поздравляли, качали удовлетворенно головами, рассматривали машины. Дети осваивали салон, все счастливые, на лицах улыбки, обнимаются, похлопывают по спине одариваемых. А те стоят не то, чтобы в замешательстве, скорее еще не осознали, или может не ожидали, что сегодня им машины пригонят?

— Классная у тебя машина. Поехали домой, пока я весь салон не залил слюнями зависти.

Оторвался от созерцания чужой радости, да и Юрку «взбодрил».

— Поехали, Ленка опять ворчать будет, мы же к родне ее

в деревню собирались.

— Такая ласточка тебя домчит с ветерком. — приободряю соседа и смотрю в зеркало заднего вида на нужный дом. Нет, женщины на улице так и не появились.

ГЛАВА 8

Забирал из машины ужин, в надежде что тот не успел прокиснуть. Дома поужинал и завалился на диван перед телевизором. Эх, не сообразил, надо было и себе фруктов купить. Ничего, завтра.

Набрал Серегу, в бывшем служили вместе в ОМОНе. Я частенько заезжаю к ним, тянет меня «домой», этот неповторимый, родной запах казармы. Скучаю я по всему этому. Несмотря на гражданскую службу, связь наша не теряется. А Серый мне нужен, потому что он по отцу азербайджанец. Его отца еще во времена Советского Союза отправили в Циолковск, учиться на инженера. И здесь он встретил Марину, сокурсницу, красавицу, умницу... Суть да дело, влюбился, и объявил своей семье о решении жениться. Семья в запрет, Марина русская, а им такая не нужна. Гиям, отец Сереги, пошел на принцип, и как результат, семья от него отказалась, дядя у которого жил, попросил покинуть квартиру, и конечно, лишили содержания.

Гиям показал всем свою гордую спину, переехал в общежитие, женился, и устроился на завод. Перевелся на вечернюю форму обучения. Очень тяжело ему дались последние два года обучения – днем работа, вечером учеба. Но закон-

чил институт с красным дипломом. Тут же получил повышение по службе и в дальнейшие несколько лет сделал головокружительную карьеру.

— Серый здоров. Как сам?

— С усам. Ты по делу или как? Мне мелкую купать надо, Ляля попросила помочь.

— Ты когда на службу? Мне бы перетереть с тобой о разном.

— Завтра на сутки заступаю. Приезжай.

— Буду. Все пока.

Еще раз прокрутил в голове всю информацию, добытую за день. Азербайджанцы, с хорошей «крышей», и вообще не бедные. Тачки по десять лямов покупают. Не в жизнь не поверю, что на торговле фруктами так можно «подняться». Я тоже нехило зарабатываю, живу один, расходов – практически нет, а не могу себе позволить такое роскошество.

Сделал себе заметку в голове, заехать к Митяю. Тот тоже из наших, после тяжелейшего ранения в Украине, еле выкарабкался, сейчас на гражданке. Открыл магазин. Надо бы у него уточнить, посоветоваться, узнать уровень дохода от бизнеса, может и вправду легко можно «поднять» на одном магазине двадцать лямов?

Утром заехал в практически пустой супермаркет, накупил чай, кофе, печенюг, конфет, полные пакеты, и поехал с угощением к своим.

На территорию, понятное дело только пешком. В глазок

камеры строю рожи. Настроение приподнятое, я всегда радуюсь оказаться здесь.

— Портит людей гражданка... — вместе с писком, означающим открытие двери, раздаётся из динамика.

Прошел знакомой дорожкой на территорию, обогнул здание, и на крыльцо. Снова дверь, снова корчу рожи и вновь меня пропускают внутрь.

Здоровуюсь с каждым за руку, передаю угощения на общий стол, братаюсь. Нет, я ничуть не жалею о своей нынешнюю жизнь, но здесь... Часть меня по-прежнему не покинула службу, в этих стенах прошла моя молодость, боевые вылазки начинались отсюда, и зацепило меня первый раз тоже здесь. Эх... Где мои семнадцать лет...

— Гражданские в гости пожаловали. — смеются мои бойцы.

— С подарками. — вторят им другие, заглядывая в пакеты с угощением.

С наслаждением прохожу по коридору, полной грудью вдыхаю до боли родной запах, заглядываю в двери, вношу суету своим появлением, и спустя, наверное, час, дохожу-таки до Сереги.

— Здравия желаю!

— И тебе, майор здравия. Пойдем выйдем, нельзя посторонним здесь, ты уж прости.

А вот сейчас было обидно, но я все понимаю, вышли с Серегой на улицу, уселись в беседке, затянутой маскировочной

сеткой, и я выложил ему причину приезда.

— Я с кровниками не общаюсь, даже деда по отцу ни разу не видел. А про нравы могу сказать, что после развала Союза, они ужесточили отношения к традициям. Круговая порука – это у них на первом месте, свояченичество, родня по крови – считай семья, пусть это будет десятая вода на киселе, роли не играет. Твои мусульмане?

— Не знаю, – пожал плечами в ответ. Об этом я даже и не задумывался.

— Ворота зеленого цвета? Полумесяц на них видел? Может надпись какая арабская? Мужчины с тюбетейкой на голове, женщины обязательно в платке, длинные платья, закрытые руки.

— Вроде все так. – ответил припоминая, что все ворота на Цветочной улице выкрашены именно в зеленый цвет.

— В семье слово мужчины непререкаемый закон. Слово старшего мужчины, отца. Женщин не бьют, это грех, а вот наказать не возбраняется. Наказывает муж, или отец. Короче средневековые у них там процветают.

— Ну ладно в ауле, высоко в горах, но у нас здесь Россия, центр страны, светского государства и наказывать женщину? Совсем все попутали? – не понимал я главного.

— Забей. И не лезь к ним. Мой тебе совет. Они как шакалы, один на один побояться выйти, стайей накинута. Надо оно тебе? Ради чего? Забудь, найди кого-нить, оттянись, и забудь.

Целиком и полностью прав Серега. Я и сам все понимал умом. Только вот этот затравленный взгляд на овощном развале, и тот другой, совершенно безучастный, никак не выходил у меня из головы.

Покинув друзей, проехал по центральному проспекту – красота! Движение практически отсутствует, парковки пустые, редкие прохожие лениво бредут по тротуарам. Люблю такое наблюдать. А может и вправду, бросить все?

По-мужски та женщина мне не симпатична. Моль. Я люблю стерв, красивых, надменных, с ними не заскучаешь. Отношения напоминает охоту, в которой победителю, то есть мне, достанется приз – тело. Кровь бурлит не хуже чем при минировании, башню сносит...

Но я уже начал, а бросать дела не в моих привычках. Поэтому достал телефон, глубоко вздохнул и набрал Марго. У нас несколько лет назад был ух какой жаркий роман, снег зимой плавился, но едва я заикнулся о браке, как она рассмеялась мне в лицо:

«Мне обязательств на работе хватает».

Сейчас я звонил ей за помощью. Она работает в главке, имеет доступ к базам, и без ее участия мне не обойтись.

— Привет Игорек. – хищной кошечкой отозвалась Марго.

— Привет. Помощь твоя нужна, можно приеду?

— Я на дачу собираюсь.

— А я тебя и отвезу, хочешь?

— Хочу. Приезжай. – мягко, чуть выпустив коготки отве-

тила Марго.

— Пятнадцать минут. И возьми пропуск на работу, пожалуйста. – не дожидаясь вопросов отключил трубку и тронулся с парковки.

ГЛАВА 9

— Зачем тебе они? – Марго смотрела недружелюбно, на мякине ее не проведешь, ей нужны ответы, иначе и пальцем не пошевелит.

Пришлось врать, юлить, что дескать под окнами скупают землю, строят дома, переселяются целым аулом, и все это меня настораживает, потому как я там живу, и не хочу неожиданностей.

Уж насколько она мне поверила, не знаю, но принесла в итоге распечатки из их баз. Мельком глянул – проживают пятеро. Имена, фамилии, годы рождения, род занятий.

— Спасибо тебе. На дачу?

— Да, но через пару магазинов.

Погнала меня в супермаркет, там набрали тележку продуктов, затем в строительный, рулоны чего-то для грядок, я не вникал. Пара ведер и два уличных светильника от меня. Марго «зависла» напротив них в раздумьях. Я обмолвился про подарок, и она царственным жестом согласилась взять. На кассе оплатил за все, не к лицу мне мелочиться.

Затем полтора часа по асфальту и еще полчаса по гравийке.

— Останешься на шашлыки? – пока выгружал пакеты,

предложила Марго.

Ее облепили дети, они все лето жили с бабушкой, то есть мамой Марго, на даче. Сын шести лет и дочь четырех.

— О! Конечно останусь. — солнце перевалило за середину дня, а я завтракал чашкой кофе и булочкой, заботливо припасенной с вечера.

— Тогда пока я огонь развожу, да стол собираю, может подсобишь по мужской части?

Надо было сразу догадаться. Мужики у Марго для другого, а дом требует участия. Вот и буду сейчас шашлык отрабатывать. Впрочем, мне в радость, переключу мысли на физическую работу.

— Мама, покажи Игорю, где дверь с петель отвалилась, он поможет. — с нежной улыбкой, передала меня в заботливые руки Марго.

— Анна Павловна. К вашим услугам! — щелкнул каблукми.

С ней мы шапочно знакомы. В бывшем жена высокопоставленного коммунистического вожака, толком никогда не работала, в профкоме озвучивала волю своего супруга. Мужа давно схоронила, но имперские замашки сильны в ней по сей день. И да, глядя на нее я понимаю, от кого Марго получила царственную осанку.

Сменной одежды моего размера, понятное дело в доме не водилось, поэтому я угваздался как перед боевой операцией — полная маскировка под местность. Вначале дверь, потом

ступени лестницы поправить, к ним перила укрепить, передвинуть мебель на первом этаже в гостиную. И как вишенка на торте – вкопать те самые ограждения, что мы с Марго купили в магазине.

После чего меня отправили в летний душ, и попросили как следует почистить одежду. Выхлопал как мог, но помылся знатно. Еще бы искупаться...

Ужинали уже в сумерках. Обе хозяйки поблагодарили меня за уличные светильники. А уже по темноте я поехал домой.

Вернувшись, сходил в душ, и завалившись перед телевизором развернул лист, ради которого потратил половину выходного.

Выходило так, что в доме жили все люди под одной фамилией. Старшие состояли в законном браке, и молодые тоже в браке. Хм, в графе родители у Марии Богдановны значится детский дом. Как же тебя угораздило? И главное в графе национальность значится русская, а Серый говорил, что на наших они не женятся... Опять у меня пазлы не сходятся.

Как отступить от расследования? Все мне в их семействе не нравится, и каждый новый день «накидывает» вопросов. Ладно. Завтра выходной, прости Орловна, не приеду, доведу дело до конца, и со спокойной душой с понедельника окунусь в работу.

В воскресенье после чашки кофе поехал к Гасану Рустамову. Он бежал с семьей из Азербайджана лет семь назад,

потому что его дочь приглянулась какому-то там влиятельному бею, а у того уже было две жены на тот момент.

Но за Гасаном приехали в Циолковск, он пошел против своих, вызвал милицию, долго гоняли этих «женихов», в итоге его оставили в покое, но запретили обращаться за помощью к диаспоре. Гасан устроился монтажником кондиционеров, а что делать – семью кормить нужно. Через пару лет открыл свою фирму. В общем, все у него сложилось. Мы с ним шапочно знакомы, и я очень надеялся, что он меня вспомнит. Мне ведь много не надо – справку дать о раскладе сил в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.